

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Седьмая ночь

Рассказ

К своим пятидесяти годам Эмин М. вдруг осознал, что жизнь его пуста и неинтересна, профессия случайна, успехи незаслуженны, а душа полна обид. Произошло это озарение (хоть и высокопарно, но иначе не назовешь) и в самом деле вдруг, когда однажды, пасмурным осенним утром, под стук капель дождя в оконное стекло ему удалось заглянуть глубоко в себя и за считанные минуты проследить, прокрутить, пробежать всю свою жизнь, от малых лет до этого мгновения, когда, лежа в постели, он стал внезапно задыхаться от пронзившей его мысли о своей никчемности.

С тех пор с ним стали происходить странные вещи.

Недавно Эмин М. потерял родителей, сначала умерла мать, долго, тяжело болевшая, а через два месяца внезапно скончался от инсульта практически здоровый отец. И Эмин М. остался один. С женой он давно развелся, точнее, она настояла на разводе, не имея сил продолжать совместную жизнь с таким... с таким... она не находила слов, когда вынуждена была говорить о нем; сына, тогда еще пятилетнего, она забрала к себе, боясь, что отец его тоже воспитает таким... таким... опять же не находила слов – слишком нервничала, внутренне дрожала от ярости, когда вынуждена была вспоминать своего бывшего мужа... Новой женой Эмин М. не обзавелся, вторую семью до сих пор не завел, все откладывая на потом, и дооткладывался до того, что его мать перестала ворчать и пилить Эмина М. по этому поводу, да и самому ему обзаводиться стало ни к чему – слишком многими холостяцкими привычками он оброс к тому времени, а точнее: в преддверии своего юбилея.

Оставшись один и отдохнув несколько дней после тяжелого периода своей жизни, когда смерти родителей последовали одна за другой и, кроме относительно спокойно перенесенного горя, повлекли за собой множество крайне беспокоящих, суматошных бытовых проблем, каждую из которых следовало решать немедленно, Эмин М. принялся за ремонт давно запущенной квартиры, в которой всю свою жизнь – как сознательную, так и несознательную – обитал вместе с родителями. С родственниками он не был близок и друзей среди родни у него не имелось, братьев и сестер тоже не было, он был единственным чадом у отца с матерью, так что все близкие и дальние, к обоюдному удовольствию, оставили его в покое. Друзей, точнее, товарищей (я слишком долго прожил на свете, чтобы кого-то назвать другом, – с немалой долей позёрства утверждал Эмин М.) тоже было негусто благодаря необщительному характеру и постоянной, какой-то непонятной, почти болезненной отрешенности и самоуглубленности Эмина М. Был только один приятель, с которым он изредка виделся, чтобы сыграть несколько партий в шахматы или нарды, и который каждый раз старался непредсказуемое количество очков на брошенных костях при игре подвести под математически четко запланированный акт, притягивая за уши игру в нарды к интеллектуальным играм и приравнивая её к шахматам, что изредка ему удавалось; и тогда он торжествовал, произнося избитые фразы про математику и про то, что она царица

всех наук, хотя сам не имел никакого отношения к этой царице. От отца оставались деньги, и часть их Эмин М. потратил на ремонт, хотя вполне мог бы продолжать жить и в неотресторированной квартире, потому что, будучи дома (а большую часть времени он проводил именно здесь), он, как правило, лежал на диване, уставившись в потолок и непонятно о чем размышляя, а эта часть потолка, которую обычно охватывал его неподвижный взгляд, была вполне белая и чистая, так что в ремонте квартиры не было большой необходимости. Но Эмин М. руководствовался не необходимостью и не логикой, а больше тем, что придет ему в голову, и часто это были посещения совершенно неожиданных мыслей. Итак, он начал и закончил ремонт, это хлопотное дело, о котором не хотелось в дальнейшем вспоминать, как о пережитом пожаре; но опять же в дальнейшем ничто так не притягивало его неподвижный взгляд, как часть потолка, заново побеленного и освеженного. Приходил товарищ играть в нарды, иногда они играли в шахматы, но товарищ ничего не замечал вокруг – ни свежего ремонта, ни запаха краски, ни отполированного паркета под ногами; уткнувшись в шахматную доску он занудливо утверждал, что шахматы тоже, как и игра в нарды, основаны на математической науке, и так долго это доказывал, что Эмин М. боялся спорить, чтобы не спровоцировать дополнительный поток красноречия.

Женщина, которую время от времени навещал Эмин М., постоянно пенявшая ему, что за его визитами зорко наблюдают соседи, сорокалетняя, давно разведенная особа, любящая вкусно поесть и посплетничать, по призванию гадалка, называвшая себя экстрасенсом, кажется, в душе была рада смерти родителей своего приятеля, так как ей представлялась возможность прекратить его визиты к ней и теперь самой наносить эти визиты. Она, между прочим, и настояла на том, чтобы дружок сделал ремонт в квартире, и слабохарактерный Эмин М. пошел на поводу, не умея спорить и возражать и легко уставая от споров.

...Вот она опять пришла. Она открыла дверь своим ключом, что вытребовала у него с тайной мыслью когда-нибудь застать его со случайной девкой и устроить скандал. Он же, как всегда, не стал спорить и отдал ей запасной ключ.

– Опять валяешься на диване? – равнодушно спросила она и погрозила ему пальцем, как младенцу. – Сколько тебя помню, ты всегда валяешься на диване...

– А сколько ты меня помнишь? – спросил он заинтересованно, не желая утруждать свою память и вспоминать самому.

– Давно, давно. Вставай, пойдем пообедаем в кафе. У тебя, конечно, в холодильнике, как всегда, пусто.

После кафе, придя домой, они занимались любовью – акт, тяготивший Эмина М. своим однообразием и полнейшим отсутствием сексуальной фантазии (против чего яростно возражала она, пресекая в корне всякую попытку с его стороны хоть как-то придать большую содержательность совокуплениям); потом она говорила, что неплохо бы им пожениться (Эмин М. молчал), немного подождав и не дождавшись с его стороны никакой реакции, она напоминала, что уже поздно, что пора ей домой и обижалась, если он не отговаривал и не предлагал остаться, одевалась, раздевалась и снова ложилась в постель. И все это происходило как по давно написанному сценарию. Но порой она задавала неожиданные вопросы, впрочем, малоприятные, как и все остальное, что в последнее время особенно раздражало его.

– Как продвигается твой роман? Хотя как он может продвигаться, когда ты с утра до вечера валяешься на диване... Я гадала недавно, на картах гадала, вышло хорошо, этот роман может тебя прославить... наконец-то... если, конечно, ты его за-

кончишь когда-нибудь...

Тогда он вспоминал, как прятал от нее свои записи на бумаге, на отдельных листочках, на бумажных салфетках (лишний повод для издевок с её стороны), которые готовился переносить на компьютер; вспоминал, как недавно она обнаружила стопку исписанных листов и пришлось сознаваться, хоть он очень не любил говорить о неоконченных еще вещах, над которыми работал, и теперь для неё это сделалось еще одной темой для обсуждения, а точнее, для пустых разговоров и абсурдных советов, учитывая, что она была очень уж далека от его дел и больше двадцати лет проработала медсестрой в поликлинике. И вспомнил также, что уже давно не притрагивался к своим записям, что надо вплотную заняться, что пауза затягивается и грозит перейти в тревожный и опасный творческий кризис. Герой его романа был он сам, но, в отличие от своего создателя, от автора, у него была интересная, насыщенная, фантастическая жизнь. С недавних пор, а именно – когда стали с ним происходить непонятные вещи, Эмин М. – во сне ли, наяву ли – временами превращался в персонажа своего романа, и тогда что-то странное происходило вокруг него и в нем самом, он будто просыпался в чужом теле, сонно ощупывал своё тело, но, обнаружив, наконец, его и признав именно своим по некоторым признакам и отметинам – глубокому шраму на правом боку, оставшемуся с детства после автомобильной аварии, в которую он попал вместе с отцом, по хронически заложенному носу, вечно шершавым губам – он успокаивался, но тут вдруг начинал ощущать нечто обратное: будто знакомое, привычное тело заполнено было чужой душой, незнакомой, очень чужой, пугающей, ужасающей... И он шел во сне, куда душе этой было угодно, куда она вела его, шел, весь охваченный тревожным ожиданием непредсказуемого финала. Сюжет тут же выстраивался сам по себе, и это был не тот сюжет, что долгими ночами придумывал он, полностью доверяясь своей фантазии, сюжет, ставший уже немного привычным, обжитым, не пугающим, в отличие от того, по которому сейчас, во сне, следовало идти. И встречались люди, самые разные, самые неожиданные и давно умершие, которых он видел в детстве, и живущие рядом, по соседству, все они бесцеремонно заставляли его роман, не спрашивая хозяина, нагло, без его ведома...

...А вот незнакомый переулок, темный, ночной... Что он тут делает, зачем он пришел сюда, как тут оказался? Ведь он направлялся на работу, сел в машину, включил мотор, да, это он отчетливо помнил, и еще заранее продумывал, где поближе к работе припаркует её. А теперь...

Где машина? Он что, пришел сюда пешком? Сырая стена переуллка, на уровне третьего этажа глядело темное окно. Он поднял голову и заметил в черной глубине окна бледное, очень белое человеческое лицо. Кажется, это была девушка. Увидев, что он смотрит вверх, на её окно, она отодвинулась, пропала в темноте комнаты...

– ...Эй, что с тобой? Почему не отвечаешь? Ты сегодня какой-то странный... сонный... Нет, я, пожалуй, пойду. Хотела остаться, но теперь я вижу: вряд ли я тебе нужна. Оставайся сегодня один.

И через минуту он услышал стук захлопнувшейся входной двери.

...И тогда он вернулся в темный переулок с единственным выходящим сюда окном старинного дома на уровне третьего этажа; он вновь очутился в темном переулке один на один с чем-то неясным, пугающим, поселившимся в его душе, в его голове, в мозгу и старающимся диктовать ему поступки.

– Погоди! – вдруг ворвался неизвестно откуда голос приятеля. – Я еще не обдумал ход. Так мне шах, а вот так...

...Он посмотрел вверх, на ночное небо, словно голос раздался оттуда, но увидел вновь темное окно, теперь оно было распахнуто, несмотря на то, что резко похолодало, и женщина смотрела прямо на него, будто ждала с его стороны какого-то призыва. Он помахал ей рукой, хотя не хотел этого делать, а хотел как можно быстрее выбраться из этого переулочка, вернуться домой (даже неизвестно было, куда теперь идти, в какую сторону, но он понадеялся на ночное такси) и лечь в постель.

– Куда ты меня завел? – спросил он, сам не понимая, к кому обращается.

– А посмотри туда, – сказал голос внутри него, постоянно, казалось бы, идущий вразрез его желаниям. – Подними голову.

Эмин М. поднял голову и увидел, как девушка в окне машет ему рукой, делает знаки, чтобы он подождал, и как тут же она исчезла из окна.

Он переминался с ноги на ногу, чувствуя, что мерзнет. Пошел мелкий снег, сухой, колючий, он падал и тут же таял на земле, потому что земля еще не выстыла как следует.

– Еще и снег выдумал, – проворчал голос неизвестного. – К чему это? Сам в тонкой обуви, мерзнешь...

Эмин М. не обратил внимания на его ворчание, торопливо зашагал к началу тупика, чтобы размять и в самом деле замерзшие ноги, и тут увидел её.

Тоненькая девушка с серьезным, слишком взрослым взглядом, делавшим её значительно старше и так не подходившим ей. Она была тепло одета, будто собралась на долгую прогулку, одета по погоде, в теплую шубу, а на голове – шапка-ушанка, в отличие от теперешних молодых людей, зимой и летом ходивших с непокрытой головой. Протянула руку она, и Эмин М. взял её за руку и своей замерзшей ладонью почувствовал приятное тепло её ладошки.

– Ну вот, сообразил, – проворчал сварливый голос. – Зачем она тебе? Ты же лет на тридцать старше. И куда теперь она тебя поведет? Сидел бы уж дома...

Эмин М. и на этот раз не обратил внимания на ворчуна и пожалел, что таскает его с собой, или, наоборот, – тот таскает его с собой, и сейчас, когда появилась эта милая девушка, очень захотелось от него избавиться.

– Что ты от меня хочешь? – сердито прошептал Эмин М. так, чтобы не слышала девушка. – Ты же сам меня привел сюда.

– Я?! Я привел тебя?! Ты слишком хорошо о себе думаешь. Хочешь свести меня с какой-то малолеткой, да еще на меня сваливаешь. Что мне с ней делать? Ей всего-то лет двадцать, если не меньше... Погляди, какая у нас разница в возрасте. А кстати, сколько мне лет? Столько же, сколько и тебе, ты обычно так пишешь?

– Ну, допустим...

– А помоложе нельзя? Хочется побеситься по-молодому.

– Нечего тебе беситься, иди вот, тебя дама ждет. Ты, между прочим, все еще держишь её руку и молчишь, как бревно.

– Дама... О чем с ней говорить?..

– Найдется о чем. Мне пора. Тут я вас и покину.

– Да, да, возвращайся к своему компьютеру и оставь меня в покое хотя бы страниц на триста.

– Ого, чего захотел! Хочешь сделаться героем романа?

– Почему бы и нет? Ты только закрути сюжет позаковыристей.

– Нет, романов в угоду моде я не пишу, я не романист.

– И очень даже напрасно. Романисты самые читаемые. И все молодые стараются разродиться именно романом, чтобы прославиться.

– Вот именно – прославиться.

– А что в этом плохого?

– Я не романист, повторяю тебе, я – рассказчик.

– Как Чехов! Хи-хи-хи...

– Я этого не говорил, и нечего хихикать.

– Не говорил, но подумал, знаю я вас, писателей. Ну, ладно, скажи мне спасибо и вали к своей работе.

– За что спасибо?

– За что спасибо?! Ни хрена себе!

– Не ругайся, я вообще-то задумывал тебя культурным человеком. Так за что спасибо?

– Ты меня достал! Не ты ли совсем недавно хныкал и жаловался на свою судьбу, что жизнь пуста, душа пуста, и что-то там еще пусто... Вот я и заполняю твою жизнь. Что молчишь?

– В какой-то степени ты прав. Но не забывай, я говорю с тобой примерно так же, как в романе Альберто Моравия «Я и Он» герой говорил... Вспомни, с кем?.. Ну, ну, ты же писатель...

– Ты хочешь сказать, что сравниваешь меня с членом? Ну, ты негодяй! А еще интеллигент... вроде бы. А еще шляпу надел.

– Ну, я пошутил, не сердись... Ты в самом деле прав, что временно заполняешь мою жизнь. И я тебе, то есть, себе – благодарен...

– Вот и вали отсюда, раз я прав. Эй, погоди, ты что, так и уйдешь?

– А как мне уходить?

– Ты ведь даже не назвал меня. Как меня зовут? Так же нелепо, как и тебя – Эмин М.? А почему, кстати, ты не пишешь полностью фамилию? Хочешь выглядеть оригинальнее, чем ты есть на самом деле? Как дешевые шоумены? Или стесняешься, что фамилия слишком обычна и проста для такой важной личности? А ты поменяй. Ты же литератор. Погляди вокруг, сколько забавных кличек понапридумывали себе наши – то есть, ваши – поэты, и носят вместо своих законных фамилий без зазрения совести...

– Разговорился, однако.

– Надо же отвести душу.

– Ты так ненавидишь меня?

– Признаюсь – ненавижу! Очень даже... И всех вас, писателей и поэтишек, ненавижу! Насмотрелись, слава Богу! Не смей делать меня тоже писателем, слышишь!? Ну так как же ты меня назовешь?

– Хочешь – Мурик?

– Что-то кошачье. Варианты есть?

– Полное имя – Мурад.

– Так бы и говорил. Годится.

– Ну, я пошел. А писателем ты будешь обязательно, потому что лучше всех я изучил их.

– Ну, ты и сволочь!

– Не злись... Прощай, писатель, хи-хи-хи, я пошел.

- Скатертью дорога.
- Буду следить за тобой.
- Вот это плохо.
- Но неизбежно. Не попади в историю. В смысле – неприятную историю.

Как только Эмин М. исчез, девушка, все это время молча слушавшая их разговор (и вряд ли что-то слышавшая, судя по выражению её лица), будто ожила, отняла свою руку у Мурада, но тут же сама взяла его под руку и повела из тупика, выходящего на небольшую площадь, увенчанную оригинально исполненным бюстом известного поэта.

– Вы не замерзли? – спросила она таким заботливым голосом, словно они были давно знакомы.

– Нет, – несколько растерянно ответил Мурад. – А вы? Довольно холодно...

– Я – нет. Я только что вышла из дому, еще не успела замерзнуть. Мне даже немного приятен этот морозец после слишком теплой квартиры. Бодрит.

– И куда мы пойдём? Сейчас сколько времени?

Она вытащила из сумочки телефон, посмотрела на него и сообщила каким-то таинственным голосом:

– Четверть первого.

– А почему шепотом? – спросил он, тоже на всякий случай понизив голос и оглянувшись на безлюдной площади, будто в поисках кого-то подслушивавшего их.

– Потому что я никогда в такое время не выходила из дому, – сказала она доверительно, словно признаваясь в невинной шалости близкому человеку.

Он так и расценил её тон и, немного осмелев, спросил:

– А сколько вам лет?

– Вам сказать правду или прибавить?

– Правду, – попросил он.

– Восемнадцать, – призналась она.

– Когда я вас увидел в окне в том переулке, вы мне показались гораздо старше, – сказал он.

– И что же – разочаровались?

– Нет, – сказал он. – Вы красивая.

– Спасибо, – она вдруг так искренне, так светло улыбнулась, что он на самом деле чуть не поверил, что они давно знакомы.

– А как же сегодня так поздно вас отпустили? – спросил он.

– Они уехали, – сказала она. – Папа и мама. Они вчера уехали на неделю, я осталась одна.

– Ясно, – сказал он и прибавил шутливо. – И вы решили не тратить времени зря и гульнуть с незнакомым подозрительным мужчиной.

Она рассмеялась.

– Во-первых, я вас давно знаю, – сообщила она загадочно, и он, не понимая, внимательно взглянул на неё чуть дольше, чем до сих пор глядел.

Но её нисколько не смутил его изучающий взгляд.

– Пойдем в ту сторону, – сказала она, кивнув головой, указывая направление. – Здесь недалеко есть ночной бар, вполне приличный. Нет, не думайте, я там никогда не была. Просто знаю. Мне надо поговорить с вами.

– Поговорить? – спросил он. – А что мы делали до сих пор?

– Нет, не так, – уточнила она. – Seriously поговорить. Ведь мы так давно знакомы, а еще ни разу не говорили по душам.

– Так давно... что? – ему показалось, что он ослышался, или же она пошутила.

Он вновь внимательно посмотрел ей в лицо, но никаких признаков улыбки, обычно сопровождавшей шутку, не заметил. Он боязливо огляделся.

– Скажите, куда я попал, где я?

– Это город, самый центр города. И перестаньте называть меня на «вы». Вот этот бар, что я говорила... Не волнуйтесь, я заплачу, у меня есть деньги...

– Я что, так плохо выгляжу? – спросил он, хотя сейчас волновало его далеко не то, как он выглядит, все было, как в тумане, как во сне – неясно, непонятно, копилась вопросы, но, не желая выглядеть перед ней занудой, он выбрасывал их из головы один за другим.

– Пойдемте, пойдемте, – торопливо сказала она, как человек, который не может позволить себе тратить время зря. – Мне надо выпить, да и вам бы не мешало – замерзли на морозе. Как вы там очутились? Обычно в этот глухой переулок заходят бомжи, чтобы помочиться вдали от людских глаз. Но мне повезло: вы не бомж, вы порядочный человек, ведь правда?

«Странно, – подумал он. – Только что утверждала, что давно знает... Может, по телевизору видела, или на Фейсбуке?.. Э-э, с ней мозги вывихнешь... девчонка... Что-то сказала...».

– Вы что-то сказали?

– Как вас зовут? – повторила она.

– Мурад, – ответил он.

– Мурад, – отозвалась она, как эхо. – У меня двоюродный брат – Мурад, все зовут его Мурик. Несерьезно звучит, правда? Мне хочется выпить виски. Я как-то пила год назад и, помню, почувствовала себя так хорошо, великолепно, раскованно, язык развязался... мне надо вернуть то состояние, чтобы поговорить с вами...

– Да у вас и без виски язык...

– Да, я знаю, – перебила она торопливо, боясь, что он в свою очередь перебьет её. – Сейчас я немного взвинчена, потому... – но сама осеклась и замолчала.

Бар находился в полуподвальном помещении, был очень уютен, с неожиданным для бара камином с потрескивающими в огне дровами и приятным мягким освещением ласкающих глаз зеленых ламп.

Мурад и девушка спустились с тротуара на четыре ступени и вошли в распахнутую узкую, одностворчатую дверь бара. Было тихо, в углу сидела компания из двух девушек в черных вечерних платьях, слишком, может быть, роскошных для такого места, и мужчины в безрукавке поверх желтой рубашки и жокейской шапочке. Когда они вошли и направились к столику в другом конце небольшой комнаты, мужчина поднялся из-за стола и подошел к пианино, присел за инструмент и начал тихо играть, будто в честь новоприбывших. Но он даже не смотрел в их сторону, а девушки, бросив мимолетный взгляд на вошедшую парочку, продолжали пить вино. Одна из них курила сигарету в длинном мундштуке, другая держала на коленях большую неопрятную кошку, явно подобранную на улице. Со стороны пианино слышалась мелодия популярного блюза Скотта Джоплина «Кленовый лист». Мужчина за пианино поначалу приступил к игре робко, словно нащупывая на клавишах необходимые ноты, принаравливаясь к инструменту, пробуя его на готовность, как бы успокаивая его: одолеет ли такую чудную музыку; потом заиграл все увереннее, пальцы его забегали

по клавишам бодро и сильно, и музыка лилась, будто давно поселилась в этом старом, но верном инструменте. Потом он поднялся и вновь, даже не глянув в сторону вновь прибывших (создавалось впечатление, что он словно опасается того, чтобы они не приняли его поступок, его игру, как приветствие в свой адрес), присел рядом с девушками. Все трое молчали.

– А мне такая музыка не очень, – негромко сказала девушка Мураду. – Она не модная сейчас. Правда?

– Блюз Джоплина не моден? – тоже тихо ответил вопросом на вопрос Мурад. Она молча пожала плечами.

– А какая вам нравится?

– Бьянка, Егор Крид...

– Даже не слышал.

– Наргиз.

– А эту знаю.

– Еще бы! По всему городу её фотки. Ожидается.

Помолчали. Мурад посмотрел в сторону пианиста с девушками. Они не разговаривали, было похоже, что каждый углубился в себя и прислушивается к звукам внутри себя, и в таком месте это выглядело немного странно.

– Вас как зовут? – спросил он.

Она вновь пожала плечами, не отвечая, и было непонятно, почему она не отвечает. Подошел официант, и она заказала себе виски.

– А вам? – спросил официант Мурада.

– Ничего, – сказал Мурад. – Или нет, принесите стакан минеральной.

Официант отошел, но тут же невероятно скоро вернулся с подносом, на котором стояли стакан с виски и бокал с водой.

«Фокусник, – подумал Мурад. – Как он успел так быстро?»

Она взяла стакан, поданный официантом, прямо из рук его, не дав поставить стакан на стол, и тут же неумело выпила содержимое, чуть не поперхнулась и, отдышавшись, посмотрела на него.

– А вы кто? В смысле – по профессии. Чем вы зарабатываете на жизнь? – спросила она.

– Я? – он ненадолго задумался, будто имел несколько профессий и не знал, какую назвать. – Пожалуй, писатель.

– Почему же – пожалуй? Не уверены?

– Не уверен. А зарабатываю на жизнь – это громко сказано. Впрочем, в детстве я мечтал стать продавцом мороженого, а если не удастся, продумал и запасной вариант – клоуном в цирке.

Она тихо рассмеялась.

– Посмотрите, как они молча сидят, – прошептала она, незаметно указывая глазами на столик пианиста с девушками. – И уже давно.

Он пожал плечами.

– Может, им нечего сказать друг другу? – предположил он.

– Всегда найдешь, что сказать, если любишь, – проговорила она непонятно к чему.

– Если любишь?.. – не понял он.

Но она не стала пояснять, видимо, и сама не поняла, почему так сказала.

– Кажется, я начинаю пьянеть, – улыбаясь, произнесла она. – Как я люблю

такое состояние. Как вы думаете, мне выпить еще?

– Нет.

– Хорошо. Мне и так хорошо. Как было год назад, когда впервые я выпила в компании виски, вернее, меня напоили, а потом парень, с которым я дружила, хотел изнасиловать меня. Представляете? В чужой квартире, в гостях... На чужом диване. Мерзко. Конечно, у него ничего не вышло, потому что он был сосунок. Вам неинтересно?

– Нет.

– Тогда вы расскажите. Расскажите о себе. Вы сказали, что в детстве хотели стать продавцом мороженого. Не жалеете, что не вышло? Что стали каким-то никому неизвестным писателем?

– Нет.

– Ну, не будьте таким букой. Расскажите мне о себе. Мне безумно интересно. Начните с детства. Тем более, что вы, можно сказать, уже начали.

– Что же вам рассказать? Ваше детство гораздо ближе, вы и расскажите.

– Нет, я знаю, для людей творческих годы детства очень важны.

– Кто вам сказал?

– Мама. Она у меня художник. Оформитель. График. Книжки оформляет. А теперь – вы...

– Детство у меня было вполне обыкновенное, – начал он. – Но потом я вырос. И со мной стали происходить разные вещи. Я женился... Потом развелся... У меня сын, уже взрослый, сам женат, недавно была свадьба... Я, пожалуй, тоже выпью...

– Хорошая мысль. Только, чур, я угощаю, – она помахала официанту за стойкой бара и показала на свой стакан, пощелкав по нему ногтем, как заправский выпивоха, завсегда у ресторанов и баров.

Он проследил за её жестом, принял от официанта стакан (этот официант словно угадывал мысли посетителей: не успевали они заказать, он уже приносил), выпил залпом содержимое, и уже собирался продолжать свой рассказ, когда она опередила его.

– Вы как-то скучно рассказываете, – сказала она, – Совсем не по-писательски. Как будто анкетные данные выкладываете.

– Такая у меня была жизнь.

– А как же вы пишете?

– Полагаюсь на фантазию. Она у меня, слава богу, бурная, а порой и буйная.

– Вы фантастику пишете?

– Вы у меня интервью берете?

Она рассмеялась, тихо, сдержанно, в этом баре все располагало к тишине и спокойствию, была умиротворяющая аура. И, будто для подтверждения этого, теперь за соседним столиком поднялась девушка, отложив свой мундштук с сигаретой, села к пианино и стала негромко играть Гершвина из «Порги и Бесс».

– Но не могу же я врать и фантазировать, рассказывая, я говорю, как было, – сказал он. – Так что слушайте, раз напросились.

Она послушно кивнула, готовясь слушать.

– Мне давно хотелось влюбиться вот примерно в такую молодую, привлекательную девушку, как вы...

– Чтобы не обмануть ваших желаний, сразу признаюсь: я – девочка.

– Не имеет значения, – сказал он. – Я же не о сексе говорю. Секса мне хватает. У меня любовница, она на десять лет моложе, но очень опытна и развратна. Утвер-

ждает, что развратил её именно я. Не могу поверить. Она, кстати, гадалка, экстрасенс. Хотя всю жизнь проработала медсестрой в поликлинике. Недавно говорит мне: «Читай эти три слова и будешь постоянно чувствовать себя отлично: здоровья и вечной жизни». Я не хочу вечной жизни, должно быть, лет через триста это страшно надоест – жить среди чужих людей, заводить все новые и новые знакомства, провожать в могилу все новых и новых приятелей. Я хочу любви. Это единственное, чем стоит заполнить свою жизнь.

– Вот теперь уже гораздо интереснее, – сказала она. – Хотите, погуляем?

Он молча встал, полез в карман за деньгами, но она остановила его.

– Нет, я уже заплатила.

– Уже заплатила? Когда успела? Что вообще происходит в этом баре под тихую музыку?

Она, загадочно улыбаясь, молча пошла к дверям. Ему ничего не оставалось, как последовать за ней. Ему показалось, что на улице, как ни странно, немного по-теплело, хотя уже была глубокая ночь, или после жаркого камина в баре, к которому он сидел спиной и порядочно отогрелся, уже было не так холодно, как в переулке? Он вспомнил, что перед тем, как прийти сюда, она говорила о каком-то серьезном разговоре, что так и не состоялся, но подумал... и не стал напоминать ей.

– Ну, куда мы пойдём? – спросил он её. – И может, вы назовете мне свое имя?

– Да, пожалуйста, – сказала она таким тоном, будто делала ему одолжение, но не продолжила, и он, подождав и не дождавшись, странно поглядел на неё, на её лицо в профиль, которое она не обернула в его сторону.

Снег, переставший идти, пока они сидели в теплом баре, снова пошел – редкие, сухие, колющие снежинки. Она стала ладонями ловить их, улыбаясь, кружась, словно подражая этим снежинкам. Он остановился, глядя на неё, любясь ею. Пока еще неясное, теплое чувство просыпалось в нем, и ему захотелось, чтобы она, как раньше, взяла бы его под руку. И, будто услышав его мысли, она, по-детски беззаботно улыбаясь ему, подбежала и взяла его за руку, и было приятно, что даже в эту холодную погоду рука её без перчатки не замерзла, а была теплой, и это тепло передавалось его руке, поднималось выше, к плечу, разливалось в сердце.

– Наверно, не стоит тебе так поздно гулять с чужим мужчиной, – сказал он шутя. – А вдруг у него самые дурные намерения насчет тебя?..

– У меня самой самые дурные... – начала она и рассмеялась, не закончив фразы. – А вам сколько лет?

– Тебе сказать правду, или уменьшить?

– Правду, – сказала она весело. – А уменьшу я сама, если понадобится...

– Скоро юбилей. Пятьдесят, – сказал он и, усмехаясь, подчеркнуто-грустно вздохнул, будто признавался невесть в каком грехе.

– О! Вы старше моего папы, – сказала она. – Но выглядите моложе. Хорошо я уменьшила?

Он притянул её к себе, и она неожиданно для него прильнула к нему, к его боку, но тут же отстранилась от потянувшихся к ней его губ. Но все вышло очень естественно, красиво, и она вновь рассмеялась, распространяя и на него свое хорошее настроение.

– Так куда же все-таки мы идем? – спросил он, глядя на её сияющее лицо и сам еле сдерживая улыбку.

– Погуляем, пока не замерзнем, – сказала она, бесшабашно размахивая рукой.

– А когда замерзнем, то что? – спросил он.

– Там видно будет, – таинственно проговорила она и назвала его по имени. – Мурик, Мур-мурик.

– Это не моя вина, – сказал он, будто оправдываясь.

– Хорошее имя – Мурад, – сказала она. – А какое бы ты хотел?

Он заметил, что она сейчас впервые назвала его по имени, но это тоже произошло очень мило и естественно, как и все, что она делала и говорила, и ему понравилось тем, что почти ставило их на одну возрастную ступень.

– По этой улице, – указала она, – мы выйдем к морю. Пошли?

– У моря сейчас холодно, – напомнил он.

– Пожалуйста, – попросила она, сделав капризное, умоляющее лицо. – Мне так хочется посмотреть на ночное море.

Было и в самом деле очень холодно, но на берегу, у самой кромки Приморского бульвара прожектор ярко освещал темные беспокойные волны, и мелкий снежок порхал в свете прожектора, а рядом стояла кучка людей, и все смотрели, как спасатели вытаскивают из воды...

– Ах! – вскрикнула она и спрятала лицо у него на груди, уткнувшись в воротник его пальто.

– Утопленник, – сказал он.

К ним, отделившись от толпы, подошел полицейский.

– Идите, не стойте здесь, зрелище не из приятных, – сказал полицейский.

– А кто этот... погибший? – спросил он.

– Пока не установлено, – сказал полицейский. – Молодая девушка. Говорят, стишки писала...

– Вот до чего доводит писание стишков, – цинично проговорил Мурад и тут же пожалел о вылетевших словах, но она никак не среагировала, будто и не слышала.

Он, уходя, оглянулся на небольшую толпу людей у кромки моря, и было такое ощущение, будто то, что он видит, повторяется; что все это уже однажды было, совсем недавно, было без него, и будто теперь специально для него повторялось, как передачи вживую повторяются на телеканале спустя некоторое время. Он потряс головой, чтобы избавиться от наваждения, но даже видеть сейчас стал нечетко: люди, вытаскивавшие труп из моря, будто растворялись, контуры перед его глазами колебались, исчезали и вновь восстанавливались, и виделось все как бы сквозь толщу спокойной воды, сквозь сон.

Они отошли и пошли к выходу с бульвара.

– Я как-то прошлым летом тоже стал свидетелем такого происшествия, только утром... – сказал ей Мурад. – Утопился молоденький паренек. Из детдома только. Жил все время в приюте, потом вышло его время и его прогнали оттуда. Некуда пойти, никого нет, есть нечего, работы нет, воровать не умеет... Куда деваться?

– А вы откуда так много про него знаете? – спросила она.

– Да не обязательно знать, я предполагаю: от хорошей жизни топиться в семнадцать лет не будут.

– А ему было семнадцать?

– Примерно...

– Почти как мне.

– Не надо об этом думать, – сказал он и взял её за руку, ожидая тепла от её руки, но на этот раз рука её была холодной, холодней, чем у него, и он почувствовал этот холод, зябко поежился, а холод проникал все дальше, поднимался от кисти

до плеча, переходил к сердцу. И тут он заметил, как она загадочно улыбается, будто утаить хотела нечто, а он догадался, и она поняла, что он догадался. Мурад хотел что-то спросить, но осекся, так её улыбка была не к месту, непонятна, тревожна, абсурдна.

– Как и наша встреча, – вдруг произнесла она тихо.

Ему подумалось, что он ослышался.

– Ты что-то сказала?

...Внезапно до слуха Мурада откуда-то извне донесся голос:

– Ты неправильно пошел!

– Да уж сам вижу, – спокойно ответил знакомый голос Эмина М. – И зачем только я связал его с этой непонятной девушкой? Что он с ней будет делать, куда она его потащит?

– Ты о чем? На доску посмотри. Твой ферзь под ударом.

Мурад потряс головой, чтобы избавиться от непонятных слов, похожих на слуховую галлюцинацию.

«Душа моя разрывается от грусти, когда я вспоминаю... когда я многое вспоминаю... – подумал Эмин М., – когда я многое вспоминаю из своей непутевой жизни... но хватит об этом, это может далеко увести, а мне надо работать, надо придумывать, надо сочинять, это, в конце концов, моя профессия...»

Ну и пиши о том, от чего душа твоя разрывается, тебе станет легче, и напишешь, может быть, что-нибудь стоящее, вместо того, чтобы отправлять меня среди ночи неизвестно куда, сводить неизвестно с кем.

«Не твоё дело! – рассердился Эмин М. – Знай своё место, советы мне даёт... Кто ты есть?»

– Вы какой-то странный, – услышал Мурад рядом с собой тихий и нежный голос девушки, и тут же забыл все язвительные слова, что готовил в ответ на грубость со стороны Эмина М. – Холодно стало. Вы мерзнете? Пойдемте ко мне. Я же знаю, вам куда идти, иначе вы не стояли бы в такую погоду в нашем переулке, дрожа от холода и ожидая, когда я спущусь.

Мурад хотел было возразить, что ему есть куда идти, что у него неплохая квартира, к тому же недавно отремонтированная, что он в разводе с женой и у него есть взрослый сын, что теперь у него любовница, которая по вечерам охотно отзывается на его приглашения, не желая оставаться одной, как все недалекие люди, боящиеся одиночества, что у него интересная работа, незавершенная, ожидающая его на компьютере, и что он – слава богу – сам себе хозяин в этом отношении: захочет – будет работать, не захочет – будет бездельничать... Но ничего не сказал, заинтригованный её последней фразой, не возражая, боясь спугнуть только зарождавшееся в нем чувство, тонкое, прозрачное, эфемерное, могущее улететь в любой миг...

– А можно? – спросил он. – Мы никого не побеспокоим?

– Я тебе уже говорила – родители уехали и несколько дней их не будет, – напомнила она, вновь взяв его за руку и прибавив шаг, чтобы согреться. – У нас тепло. Можно зажечь газовую печь, у нас настенная печь, как во всех старых домах в нашем районе. Эти печи так могут придавать уют старым домам! Я люблю смотреть на огонь, когда смотришь на огонь, всегда такие хорошие мысли, правда? Огонь – олицетворение жизни, энергии, эмоций, огонь – это жизнь. Как и вода. Странно, две такие

разные стихии, взаимоисключающие, неуживчивые субстанции, и обе олицетворяют жизнь. Правда?

Он посмотрел на её лицо, теперь она обернулась, и он видел её лучащиеся улыбкой глаза, её губы, и сам невольно улыбнулся.

«Хорошо бы влюбиться в такую девушку», – подумал он, слишком долго задержав взгляд на её лице, так что она отвела взгляд.

– Я только по ночам могу немного прогуляться, – сообщила она. – Днем у меня занятия в институте, по вечерам обязательно звонит мама по нескольку раз за вечер на квартирный телефон, будто проверяет – дома ли я? И задает смешные, наивные вопросы: «А ты покушала? А что ты ела? А не простудилась? Спишь хорошо?» Она думает, что я все еще ребенок, и потому не звонит ночью, чтобы не будить меня, а мне уже восемнадцать, некоторые из моих школьных и институтских подруг уже повыходили замуж.

– Ну, и ты выйдешь, – заверил её Мурад. – Если, конечно, скажешь мне, как тебя зовут.

– Ты же знаешь, – проговорила она. – Зачем ты меня дразнишь... Вот мы и пришли.

И вновь он оказался возле её старого, красивой архитектуры трехэтажного дома с окном, выходящим на знакомый уже переулок. Снег теперь пошел сильнее, интенсивнее, большими хлопьями, тающими на их разгоряченных лицах, и оба с удовольствием вошли в подъезд, поднялись на третий этаж, и она отперла высокую тяжелую дверь квартиры, и он вошел вслед за ней в прихожую, довольно просторную, с красивой, дорогой ковровой дорожкой во всю длину коридора. Войдя в квартиру, он в первые минуты немного оробел: оставаться наедине с молодой девушкой посреди ночи в чужой квартире, куда бог знает кто может неожиданно заявиться; но почти сразу же дух авантюризма взял верх, он быстро освоился, прошел в просторную комнату, уставленную дорогой мебелью, с коврами на светлого паркета полу, уселся в глубокое кресло, ожидая, когда она вернется из кухни, куда пошла, пообещав заварить чай. На стенах висели картины, по всей видимости, местных художников – руку одного он узнал, и потому решил, что и все остальные местные, и были еще фотографии. Последними он заинтересовался больше, чем всем остальным, поднялся с кресла и подошел поближе к одной из них: большой фотографии девушки в рамке. Это была её фотография перед триумфальной аркой в Париже, и очень кстати на фото имелась надпись. Он торопливо извлек очки из кармана пиджака и прочитал: «Наргиз. Париж...» И дальше шла дата, которую он не успел прочитать, потому что со стороны кухни приближались торопливые шаги. Он почему-то подумал, что не должен проявлять излишнее любопытство, и потому быстро спрятал очки и сел обратно в кресло. Она вошла с подносом в руках, на котором стояли две чашки чая и ваза, полная дорогих шоколадных конфет. Она поставила поднос на стол и жестом пригласила его сесть поближе.

– А я пока разожгу печь, – сказала она, тряся в руке коробок спичек.

– Давай я тебе помогу, Наргиз, – проговорил он, намеренно подчеркивая её имя, думая удивить её, но должного эффекта не получилось, она вовсе не среагировала на прозвучавшее свое имя, будто они и в самом деле давно и очень близко были знакомы.

Он взял у неё спички и зажег газ в печи.

– А это твои родители? – спросил он, указывая на другое фото.

– Да, ты же видел... – не совсем понятно ответила она, но он не стал уточнять, промолчал.

– И давно они?.. – не успел он спросить, как она его перебила, будто мысли его читала.

– Давно они уехали?

– Да, – проговорил он, – но в общем-то...

– В общем-то тебе все равно, – вновь не дала она ему закончить, и неожиданно сердитые нотки появились в её голосе, и чем дольше она говорила, тем все более неоправданно резким и сердитым делался её голос, – Тебе все безразлично, все, что касается меня, стоит мне заговорить, ты начинаешь зевать, причем – подчеркнуто зевать, будто не понимая, что своим отношением ты оскорбляешь меня; постоянно намекаешь, что у тебя любовница, эта сорокалетняя старуха, и ты в любой момент можешь покинуть меня без сожаления, будто и не было между нами... между нами всего... всего этого... постоянно твердишь о своем сыне, давая понять, что он, а не я главное в твоей жизни... Что ж, я могу понять, сын есть сын, никто не говорит, но разве я стою между вами, разве я когда-нибудь ревновала тебя к сыну, к бывшей жене, даже к любовнице... никогда, никогда, я не так глупа, как тебе кажется.

Мурад опешил, не знал, что возразить против таких слишком неоправданно ранних и несправедливых обвинений, он не понимал, что происходит, не мог вспомнить, когда он рассказывал ей про свою личную жизнь, про своих близких, ведь всего несколько часов прошло, как они познакомились... или нет? Да, рассказывал?.. Но как мог его рассказ так болезненно затронуть её?

– Теперь уходи! – сказала она. – Мне надо остаться одной.

Он молча, мало что понимая, поднялся, вышел в прихожую, снял с вешалки пальто, оделся и направился к дверям. В дверях она остановила его, прильнула к нему, поцеловала в щеку.

– Прости меня, – проговорила она. – Не знаю, что на меня нашло. Не обижайся. Приходи этой ночью. Я буду ждать.

Он ничего не ответил и вышел, бросив на неё лишь мимолетный взгляд.

На улице было холодно. Он посмотрел на часы: было раннее утро – начало седьмого. Он прибавил шагу, на этих улочках не было ни одного такси. Он почти бегом вышел на магистральную улицу, тут дежурили два ночных такси, оба водителя сидели в передней машине и о чем-то очень оживленно беседовали. Мураду показалось удивительным, почти неправдоподобным, что в такое время, когда он, можно сказать, падает с ног от усталости, можно так энергично разговаривать. Завидев его, подходящего к переднему такси, мужчина вышел, уступая ему пассажирское место и помахал приятелю, оставшемуся за рулем машины. Через пятнадцать минут Мурад входил к себе домой, сбросил пальто и, не раздеваясь, без сил упал на кровать. Будто кто-то или что-то лишило его сил, вытянув из него всю энергию, так непривычно он утомился.

...Проснулся он поздно, во второй половине дня, обнаружил себя одетым, лежащим на застеленной кровати поверх одеяла, чувствуя, что вчерашняя усталость еще не покинула его тело: ноги ныли, болела поясница, плечи, будто вчера ему пришлось всю ночь таскать тяжести. Вспомнив про ночь, он вспомнил и её, Наргиз, как они гуляли по темным улицам, сидели в кафе, слушая музыку в исполнении чудаковатого пианиста, внешность которого он теперь никак не мог вспомнить, как ни ста-

рался: вспоминалась только жокейская шапочка, так не по погоде надетая; вспомнил её квартиру, но опять же никак не мог припомнить, где она, эта квартира и её старинный дом, архитектурный памятник, находился, хотя за свою жизнь обошел и облизал все улицы и кварталы родного города, и пожалел, что не взял адреса, потому что когда он вспомнил Наргиз, что-то шевельнулось в душе, разлилось в груди, заставив сильно забиться сердце, и ему очень захотелось повидать её вновь. Зазвенел телефон, он машинально, не открывая еще сонных глаз, привычно поискал на полу, куда на ночь клал свой мобильник, чтобы всегда был под рукой, но это звонил домашний, звонил, не переставая, требовательно и сердито. Он еле поднялся и подошел к телефону, висевшему на стене в прихожей.

– Я звонила всю ночь! – взорвалась трубка. – Где ты был? Где ты шлялся?!

– Гулял по бульвару, – сказал он, не имея сил теперь ни спорить, ни вообще говорить с ней. – Сара, перезвони попозже, у меня голова трещит.

– А!.. – услышав, что голова трещит, Сара заговорила другим, гораздо более мягким голосом. – Не надо было напиваться...

– Очень своевременное замечание, – съязвил Мурад.

– Я всю ночь не могла заснуть, думала что-то с тобой случилось, – мягко, но в то же время сердито, как выговаривают несмышленому ребенку, проговорила любовница.

– Тогда ложись и поспи, – посоветовал он.

– Очень смешно, – сказала она. – Это ты у нас свободный художник, гуляешь, куда хочешь. Я с девяти утра на работе... Сейчас сели покушать, вот, нашла минутку и позвонила.

– Спасибо, – сказал он. – Вечером поговорим.

– Мне прийти вечером? – понизив голос, видимо, чтобы не слышали посторонние, спросила она.

– Попозже скажу, хотел сегодня поработать. Созвонимся. Пока. – И Мурад положил трубку.

И в самом деле, как только он кончил говорить с Сарой, почувствовал, как неудержимо его тянет к компьютеру. Он включил компьютер, прошел на кухню, выпил холодного вчерашнего чаю и торопливо сел за работу, стараясь записать подробно все события вчерашней ночи, пока они свежи в памяти.

Получалось нечто, похожее на рассказ, но это нечто вовсе не удовлетворяло его, и он, споткнувшись на одной фразе, а именно, на той, что сказала ночью Наргиз, провожая его у дверей, разочарованно поднялся из-за стола, бросив работу, потому что именно после этого эпизода он думал написать что-то очень интересное, такое неуловимое, как не оформившаяся, но чудесная мысль, но мысль улетучилась, и он не успел её зафиксировать на экране монитора.

Тут он вспомнил свой сон, страшный сон, от которого он на несколько минут проснулся весь в поту, отдышался, не имея сил подняться и пойти на кухню выпить воды, и вновь заснул.

Он вспоминал свой сон и пребывал в каком-то очень странном, необъяснимом состоянии, но это уже был не сон, это было наяву, и он шел по приморскому бульвару, по самому ближайшему к воде ярусу, где они гуляли ночью с Наргиз, но теперь было светло, наверно, часа четыре пополудни, он взглянул на часы, отвернув рукав пальто, чтобы уточнить, но часы показывали что-то несусветное: будто взбесившись, стрелки одна за другой – минутная стремительно, часовая помедленнее – вращались в обрат-

ном направлении; он почему-то снял с запястья часы и положил в карман, напоследок еще раз взглянув на циферблат: ничего не изменилось, часы так же хулиганили.

Навстречу ему шла молодая женщина, катя перед собой дорогую детскую коляску с ребенком в ней, ножка ребенка в теплом вязаном носочке высунулась из коляски и была ему хорошо видна, ребенок громко плакал в коляске, а женщина, очевидно, его мать, неторопливо шагала, толкая коляску, и, встретившись с Мурадом взглядами, улыбнулась ему, и все было как во сне, приснившемся, когда он спал в полумертвом от усталости состоянии. Не доходя до Мурада двух шагов, женщина вдруг легко подняла коляску с ребенком в ней и швырнула её в море. Мурад присел от страха, не издав ни звука и чуть не теряя сознание, но тут же вскочил и посмотрел на море – гладь воды была спокойна; а женщина миновала его и, как ни в чем ни бывало, оглянувшись, бросила удивленный взгляд на него, не понимая, почему он присел на корточки, потом вскочил и уставился на море. Он посмотрел ей вслед и увидел, как она катила перед собой коляску, и все так же плакал ребенок в коляске, и все так же торчала маленькая ножка его в вязанном носочке.

...Он вытер взмокший лоб и вновь обнаружил себя в рабочем кресле перед компьютером.

– Ты что же, хочешь, чтобы я попал в сумасшедший дом?! Что это за фокусы ты выделываешь?!

– Не мешай. Видишь, я играю в шахматы.

– Со своим другом-придурком, которому везде мерещатся математические формулы. Так что же, ты, значит, все свои проблемы и неудачи хотел переложить на меня? Легче, думаешь, станет? Но не забудь, я временный герой, сегодня есть, завтра меня забудут, и ты останешься снова со своими неудачами, которые хотел перегрузить на меня...

– В том-то и дело, что я не хочу, чтобы ты был временным... И вообще – помолчи. Ты меня отвлекаешь.

– Хочешь, чтобы я пахал за тебя, нес ответственность за тебя? Что ж... Тогда пиши дальше, но не вмешивайся в мою жизнь, я не хочу быть похожим на тебя.

...Весь вечер Мурад вспоминал дом Наргиз, в котором побывал прошлой ночью, но каким-то непонятным образом так и не мог вспомнить, где он находится, как к нему пройти, проехать, какой адрес назвать таксисту, возле чего примечательного находится этот дом. Подъезд и переулок он хорошо запомнил, но сам дом... Между тем, очень хотелось повидать её, эту девушку, при одном воспоминании о которой сердце его сладко сжималось и становилось тепло в груди. Было такое необъяснимое болезненное состояние души, будто он потерял память, частично потерял, и именно в той части, где она теперь больше всего требовалась. Весь вечер он был сам не свой, хорошо помня, что она приглашала его прийти сегодня ночью, и эта ночь таила в себе для него самые чудные, самые прекрасные ожидания и надежды... И вот теперь все это рушилось из-за какой-то совершенно нелепой ситуации, когда и ребенок мог бы вспомнить то, что он, взрослый, опытный человек, забыл. Но не от него это зависело, это явно было похоже на вторжение в его память извне, на провал в памяти, связанный с другими, может, потусторонними силами, в которые до сих пор он не очень-то верил, как бы ни призывала его поверить в них его любовница, Сара.

...Так, мучаясь и сомневаясь, не в силах дольше оставаться дома, куда, кстати, внезапно, без звонка могла заявиться Сара в одиннадцать вечера и нарушить его планы (ручные часы теперь перестали беситься и показывали точное время обеими стрелками, став совсем ручными), он вышел из дома, не зная еще, куда, в какую сторону направится, пошел наугад и когда дошел до угла, где располагалась маленькая кондитерская, в которой он иногда завтракал, чуть не столкнулся с Наргиз. Увидев его, она расплылась в улыбке.

– Ты?! – одновременно опешил от неожиданности и очень обрадовался он. – Куда ты шла?

– Угадай, – игриво произнесла она и тихо рассмеялась. – К тебе же, конечно, балда! Куда же еще?..

– Ты... ты разве знаешь, где я живу? – крайне удивился он.

– Ну конечно, знаю. Вот твоя визитка, ты вчера мне дал, забыл? Я сама не звонила, чтобы сделать тебе сюрприз. Знаю, воспитанные люди предварительно должны звонить, но мне захотелось пошалить. Ты не сердись?

– Нет! – обрадовано проговорил он и тут же восторженно, торопливо добавил: – Нет, конечно! Очень даже не сержусь!..

– Очень даже? – повторила она и рассмеялась. – Я подумала – а вдруг он забыл мой дом, не найдет... Тогда... Как же я тогда буду?... Я весь день думала о тебе и ругала себя за то, что так невежливо распрощалась с тобой, отпустила тебя.

Он не знал, что сказать, сердце его билось, как маленький зверек, ожидающий смерти.

– И я все время думал о тебе, – признался он. – Ты не выходила у меня из головы.

– Это значит, что мы любим друг друга? – так просто, как мог бы сказать ребенок, спросила она.

Он будто онемел от нахлынувшего, потопившего его, накрывшего его с головой чувства острого счастья.

Они стояли на углу и разговаривали, а через витрину кондитерской на них смотрела женщина-продавщица.

– Давай пройдемся, – предложил Мурад.

Она кивнула, глядя на него влюбленным взглядом, глаза её сияли, улыбка на лице сияла, и сияние это, казалось, озаряло все кругом, озаряло его, улицу, редких прохожих, толстую неопрятную продавщицу за витриной кондитерской, и все подряд становилось лучше, надежнее, качественнее, все становилось настоящим, не фальшивым, и источало благодать и любовь, любовь и благодать, любовь и любовь, то единственное, наверное, ради чего и стоило продолжать свою жизнь. И все остальное в жизни Мурада отодвинулось, отошло в тень, и там, растворяясь в становящейся все гуще тени, исчезало навсегда, чтобы дать место и оставить свет для самого настоящего. Исчезла его любовница со своей ревностью и мелкой глупостью, исчезли бытовые проблемы, делавшие совсем недавно его жизнь невыносимой и жалкой, исчезла бывшая семья, терзавшая его, отнимавшая спокойствие, мешавшая наслаждаться работой, как и следовало бы, исчезла сама работа, которую он считал важнейшей составляющей в своей (до сих пор, до встречи с этой чудесной и самой настоящей девушкой) убогой, уродливой, лишенной главного жизни.

Они все еще стояли на улице, будто боялись шевельнуться и расплескать это ослепительное чувство, одновременно охватившее их обоих.

– Да, – ответила она, не отводя от него взгляда своих лучистых глаз. – Пройдемся.

Он был переполнен самыми нежными, самыми невыразимыми чувствами и ощущал потребность говорить, высказаться перед ней. Она, словно ощутив его состояние, посмотрела на него ожидающим взглядом.

– Мы так полюбили друг друга... с первого взгляда, – сказал он, и ему вовсе сейчас не показалось странным, что он, опытный, умудренный жизнью далеко не молодой уже человек, разговаривает как несмышленный подросток.

– Только такая и бывает любовь, – просто сказала она.

– Ты так думаешь? – сказал он.

– Очень даже, – ответила она его обычным выражением и улыбнулась. – Настоящая любовь прозорлива и может многое разглядеть с первого взгляда.

– А что скажешь на это: любовь слепа и видит только то, что хочет видеть? Где же тут прозорливость?

– Любовь не слепа. Это выдумка несчастных людей, несчастных в любви, – ответила она. – Любовь беззащитна. И потому она должна быть у обоих любящих, непременно у каждого из двух любящих.

– Ты стихов не пишешь? – осторожно, несколько испуганно спросил он и улыбнулся, давая понять, что это шутка и можно не отвечать. – Просто когда ты говоришь о любви, трудно поверить, что ты такая юная.

– Это потому, что любовь делает человека мудрее, – проговорила она. – Но не в бытовом отношении, не по жизни... А по любви... – и, помолчав, прибавила: – Особо несчастная любовь...

– А ты уже успела испытать несчастную любовь? – усмехнулся он, заглядывая ей в лицо.

Она не ответила, промолчала, улыбаясь, прильнув к его плечу.

И тут она протянула ему руку. Он, как и вчера, взял в ладонь маленькую тоненькую кисть её руки, и почувствовал тепло её сердца, которое билось также трепетно, сильно и страстно, как и его сердце, и вдруг он почувствовал, что плачет, тихо, молча плачет, слеза, не удержавшись, скатилась из глаза и покатила по щеке до подбородка и там задержалась, будто вещественное доказательство, свидетельство, улика, подтверждающая его чувство. Может, он плакал по убогой, без любви – до встречи с ней – своей жизни, остро вдруг почувствовав никчемность зря прожитых лет, а может, это холодный ветер выжал из его глаз слезы, как уже не раз бывало?

– Это ничего, – сказала она. – Я тоже плачу.

Тогда он вытащил из кармана своего пальто её нежную ладонь, куда предусмотрительно упрятал её, чтобы сохранить такое дорогое для него тепло её прикосновений, и поцеловал её руку, потом привлек её к себе и поцеловал в губы долгим, страстным поцелуем, еще и еще раз, и она стала задыхаться, непривычная к долгим поцелуям, а он все не отпускал её, целуя прямо на улице, под завывающим холодным ветром, который становился теплым, едва достигнув её дыхания. Пошел мокрый снег, кто-то, проходя мимо, хорошо, по-доброму, рассмеялся, глядя на них, целующихся, кто-то обронил какое-то слово, видимо, завидуя, жалея, что не он целует, что не его целуют, и может быть, никогда еще не испытал таких поцелуев.

– Я хочу быть с тобой, – сказала она, с трудом оторвавшись от него. – Я хочу тебя. Обещай, что будешь нежен со мной.

– Не могу, – задыхаясь, произнес он. – Я боюсь съесть тебя, так я тебя люблю!

– Съесть? – улыбнулась она, не имея уже сил рассмеяться его шутке. – Как кошка своего котенка? Возьми такси.

Войдя к ней в квартиру, он сразу же подошел к выставшей, пока её не было дома, печи, чтобы зажечь газ, и пока он зажигал, неуклюже и торопливо ломая спички в дрожащих пальцах и тихо чертыхаясь, она удивленно и даже испуганно смотрела на него.

– Что ты делаешь?! – спросила она испуганно.

– Зажигаю печь, милая, – ответил он.

– Ты меня пугаешь, – сказала она. – Я здесь, рядом, жду тебя, а ты зажигаешь печь? Ты любишь меня?

Он подошел к ней и крепко обнял.

– Конечно, люблю, дорогая, – сказал он и поцеловал её, но того поцелуя, что случился на улице, на углу кондитерской, уже не вышло.

– Ты правда любишь меня? – спросила она еще раз, словно сомневаясь и уточняя.

– Да, да, люблю, люблю! – заверил он её. – Очень даже люблю!

– Очень даже люблю? – спросила она серьезно, без тени улыбки.

– Конечно!

– Нет, не так, – сказала она. – Скажи: я безумно люблю тебя. Именно – безумно.

– Я безумно люблю тебя, – повторил он.

– Скажи: и ничего на свете нет, кроме тебя.

– И ничего на свете нет, кроме тебя, – повторил он и так сжал её в объятиях, что она пискнула. – Я боюсь сделать тебе больно, – сказал он. – Будет немного больно и, может быть, ты не сразу получишь удовольствие.

– Не бойся делать мне больно, я буду любить тебя еще сильнее.

Она разделась прямо перед ним, как малолетний ребенок, не стесняясь, раздевается перед взрослым, близким человеком, и приникла к нему...

– Теперь ты – мой муж, мой любимый, – сказала она, когда через некоторое время лежала в постели в его объятиях. – А ты правда безумно любишь меня?

– Безумно, – повторил он машинально, уже краешками мыслей думая, куда заведут его эти отношения с ней, что скажут её родители, когда узнают, что она полюбила человека, старше её отца, как быть с Сарой, с бывшей семьей, как вообще сложится дальнейшая судьба их отношений.

Она, почувствовав его отчужденность, чуть отстранившись от него, взглянула ему в лицо.

– Что тебя мучает? О чем ты думаешь? – спросила она. – Что не дает тебе покоя? Не думай ни о чем, главное сейчас – только мы.

– Да, – согласился он. – Ты права. – И еще раз повторил, целуя её лицо, шею, губы, глаза, желая вновь увидеть её счастливое лицо, как недавно на улице, когда над их головами закружился мокрый снег. – Ты права: главное – мы.

Но теперь на лице её проступила только глубокая усталость, утомленность, и глаза, лучащиеся совсем недавно счастьем и делавшие счастливым все вокруг, медленно гасли, утопая в наваливающемся сне.

– Мы будем видеть одинаковые сны, – пролепетала она едва слышно, но он услышал, и не мог понять, почему она так сказала.

...И ночью приснился ему страшный сон: в его квартире открыты все окна, ветер со снегом врывается в комнаты, снег ложится на пол, большие белые хлопья тают на паркете, и тут он увидел свою маму, которую не так давно похоронил, она была вся укутана во что-то белое, похожее на саван, стояла рядом с ним, маленькая, беззащитная, хрупкая старушка, смотрела на врывающийся в комнаты снег и внезапно без единого слова повалилась на мокрый пол. Он вскрикнул от испуга: «Что с тобой, мама?! Вставай, мама, я тебе помогу!» Перетащил её тело на кровать, но это уже было только её тело. «Мама, мама, очнись!» – зывал он к ней, но все его крики были напрасны.

Он проснулся в холодном поту, тяжело дыша, и обнаружил себя в своей постели, в своей квартире, одного, одинокого, одного...

...На следующий день он снова встретился с Наргиз и все не мог выяснить, почему ночью не остался с ней, почему и как ушел от неё. Она не отвечала на его вопросы, вид у неё был отчужденный, странный, она словно боялась смотреть ему в глаза, избегала его взглядов и, провожая его, сказала:

– Послезавтра приезжают мои родители. Мы какое-то время не сможем видеться.

– Почему? – спросил он. – Не обязательно видеться у вас. Можно у меня встречаться.

– Нет, – проговорила она, помолчала и потом прибавила тихо, будто через силу, будто кто-то заставлял её сказать это: – Ты ведь уже не безумно, правда?

И тут же прикрыла ему ладонью рот, словно заранее была уверена, что он сойдет.

Но, тем не менее, когда она отвела руку, он счел своим долгом сказать ей назидательно – все-таки, она ведь почти ребенок, многого не знает в жизни, не знает самой жизни:

– Ты должна понять: человек не может находиться постоянно в состоянии восторженной влюбленности...

– Почему? – спросила она с таким наивным видом, что он лишний раз уверился в своей правоте: она – сущий ребенок.

– Нельзя быть всегда безумно влюбленным, милая, – сказал он.

– Почему? – упрямо повторила она вопрос, не отрываясь глядя ему в лицо, будто надеялась и в то же время боялась, что он откроет ей сейчас эту неприятную, эту гнусную истину.

– Потому что в жизни есть многое, кроме безумной любви... – сказал он, чувствуя, как неубедительно звучат его слова даже для него самого неубедительно, просто какая-то тошнотворная каша из слов.

– Но именно так и надо любить, – проговорила она, подумав, – Другой любви не бывает. Другое – это уже не любовь.

Он промолчал. Они лежали в постели, она положила голову ему на грудь, будто стараясь, чтобы они оба забыли это небольшое разногласие, похожее на неприятный спор.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила она.

– Что тебе рассказать?

– Что-нибудь из своей жизни, – сказала она.

– Из моей жизни? – он немного подумал и продолжил: – Моя жизнь не так ин-

тересна, она полна бытовых проблем, профессиональных проблем, интриг, зависти, постоянных нервотрепок... Тебе не понравится...

– Тогда расскажи о своей работе, – сказала она. – О своих фантазиях.

– Пожалуй, это лучший вариант, – одобрил он и замолчал надолго.

Она не мешала ему.

– Знаешь, великий Федерико Феллини утверждал, что фантазии – это единственная реальность. Хотя, с другой стороны, Достоевский всегда реальную жизнь ставил выше любой, самой богатой писательской фантазии. Прямо не знаешь, кому верить... – и он негромко хмыкнул, будто отмечая начало смешка.

Она поняла шутку, тихо, переливчато рассмеялась.

– Верь себе, – сказала она и потерлась, как котенок, об его грудь.

– Хороший совет, – согласился он и снова надолго замолчал.

– Ну, что ты молчишь? – чуть кокетливо-капризно спросила она. – Забыл? Спать хочешь?

– Нет. Я выбираю, что бы такое... чтобы тебе было интересно... Вот – недавно закончил сценарий, и в нем есть такой эпизод: Бог разгневался на людей за все их грехи, скопившиеся за тысячелетия, и решил их наказать, даже не наказать, а пока предупредить, что так, как они живут, жить нельзя, а надо жить по совести, которую изначально Он вложил в Человека и которую человечество потеряло. И Бог отнял у людей свет – солнца не было семь дней. Это своеобразный испытательный срок, понимаешь?

– Да, – сказала она. – Но у них ведь были лампочки, электричество?

И вновь в нем шевельнулось теплое, нежное чувство к ней, она, будто ребенок малый, смотрела на него с надеждой, боясь, как бы он в своем сценарии вместе с Богом не отнял бы у людей и электричество.

– Нет, конечно, плоды цивилизации – электричество, газ, водопровод и канализация – у людей оставались, – успокоил он её шутливо, – Но представь себе: семь дней длилась ночь, не было солнца.

– Представила, – сказала она. – Как страшно, – она поёжилась и теснее прижалась к нему.

– Ну, там много чего происходит, связанного с этим, всякие детали: разные люди, живущие в постоянном страхе, богачи, уезжающие из города в надежде, что где-то в другом месте восходы все-таки есть, преступность вырастает стократно, в зоопарке звери сходят с ума, ну и многое другое, чего тебе не буду рассказывать, потому что долго... Кстати, мелкие запоминающиеся детали и дарят произведению долгую жизнь. Зритель может не запомнить какую-то сюжетную линию, а деталь запомнит обязательно: вдруг главный герой ни с того, ни с сего встает и пробегает через всю Америку, или мальчик, протягивающий один доллар – гонорар дорого стоящему адвокату, или капля крови спрятавшегося в листе дерева человека падает на плечо преследователю, или еще что-нибудь в том же духе, вот такие вещи запоминаются... Ну вот... На чем я остановился?

– Семь дней длилась ночь, – подсказала она, внимательно слушая.

– Да! А на седьмой день люди, уже на грани безумия, собираются огромной толпой на берегу моря, скажем, на бульваре, где мы с тобой гуляли...

– И полюбили друг друга, – прибавила она сонным голосом.

– Да, и полюбили друг друга, – повторил он вслед за ней, повернул лицо и поцеловал её в голову. – И вот эта громадная толпа возле моря, сама – огромная, по-

ходя на море, – приходит на седьмой день с маленькими детьми на руках, в надежде, что Бог смилостивится хотя бы над безвинными младенцами, и когда до рассвета остаются считанные минуты, эта огромная людская толпа молча разом поднимает над головами детей лицом к восходу, и все ждут, затаив дыхание... – Мурад замолкает.

– И я жду, затаив дыхание, – вполне серьезно, распахнув испуганные глаза, из которых мгновенно улетучился сон, признается Наргиз. – Ну, что ты замолчал? – она нетерпеливо толкает его ногой под одеялом. – Бог даст им свет?

– Не знаю, на этой сцене идут титры, фильм кончается, – говорит Мурад. – То есть, пока сценарий кончается, фильма еще нет, к сожалению.

– Как страшно, – произносит тихо, испуганно Наргиз после паузы.

– Что страшно?

– Жить без солнца, без света, – опечаленным голосом отвечает она. – Что может быть страшнее, хуже?

– В нашей реальной жизни гораздо хуже иметь дело с чиновниками, которые ни черта не понимают ни в кино, ни в сценариях, – говорит он в шутку, желая отвлечь её, сгладить то неприятное впечатление, что произвел на неё его рассказ.

– А как называется?

– Сценарий?

– Да.

– Седьмая ночь, – говорит Мурад. – Ты не устала?

– Устала, – ответила она и отвернулась от него. – Ты меня напугал... – и, помолчав, прибавила: – Завтра у нас последняя ночь перед приездом родителей.

– Ты так говоришь, будто мы не можем видеться и после их приезда, – сказал он. – Кстати, мы могли бы и днем встречаться, зря мы пропустили столько дней...

– Я же объясняла тебе – днем у меня дела, я в институте, я не могу днем... И я устала, спокойной ночи, – чуть сердито проговорила она и отвернулась от него. – И не трогай меня. Я испугалась... – и она тихо, почти беззвучно заплакала.

Он не стал ничего говорить, виновато поглядел на её худенькую спину, хотел погладить, но... раздумал, отвел руку.

...Днем, посреди работы над сценарием, когда Мурад писал увлеченно, и каждый лишний звук раздражал его, пришел очень некстати Эмин М. Завидев его, Мурад поморщился, однако знал, что тот просто так не зайдет, что-то у него было сообщить Мураду.

– Пожалуй, все катится к завершению, – проговорил нежданный и непрошенный гость менторским тоном, не здороваясь с хозяином квартиры.

– Ты про меня? – спросил Мурад. – К завершению, это значит – к моей смерти?

– Зачем же так мрачно? – улыбаясь, спросил Эмин М.

– А чего от тебя еще можно ждать? Ты же всех своих героев убиваешь в финале.

– Явное преувеличение, – возразил Эмин М. – Явное и недоброжелательное. У меня, к твоему сведению, есть и комедии, где никто не умирает, а все весело продолжают жить дальше.

– Ну и что же ждет меня? – поинтересовался Мурад, стараясь казаться равнодушным, но внутренне очень волнуясь. – Что ждет нас с ней?

– Этого я не знаю, – честно признался Эмин М. – Ты теперь сам себе хозяин, и

я не могу закончить вместо тебя. Как ты, кстати, не закончил свой сценарий.

– Я очень даже закончил свой сценарий, – ответил запальчиво Мурад. – А вот, что с нами будет, очень даже меня...

– Что ты от меня хочешь?! – перебил его сердито Эмин М. – Я все тебе отдал: свою бывшую семью, свою любовницу Сару, свою работу, даже чиновников в министерстве, что вставляли мне палки в колеса... Все отдал, а ты еще и недоволен. Живи, как можешь.

– Так я же знаю тебя, – сказал в сердцах Мурад. – Напакостишь под конец. Только не трогай эту девушку. Пусть она будет счастлива. Наргиз стоит того. Она очень милая, прекрасная девушка... Тогда, может, ты поймешь, что жизнь твоя не пуста и интересна и полна лепоты...

– Ишь ты, какие слова мы знаем, – снисходительно усмехнулся Эмин М.

– Не превращай все в шутку, сделай то, что говорю, и ты почувствуешь себя нужным в этой жизни.

– Ладно, ладно, не будем об этом, – сказал Эмин М. – Прощай. Желаю удачи.

– А зачем приходил? – спросил Мурад, обернувшись, но гостя уже не было в комнате, и немного погодя Мурад вернулся к своей работе, помня, что запаздывает со сроками и последнюю неделю, можно сказать, почти не работал, потому что все его время и все его мысли были заняты любовью к Наргиз, настоящей и редкой по глубине любовью к этой замечательной девушке.

...Следующей ночью, когда они встретились, она попросила его пойти с ней в бар, где они познакомились, где были в первую ночь их знакомства.

– Ладно, – сказал он. – Только обещай, что будешь вести себя прилично, не будешь хулиганить. Платить буду я.

В баре уже не было пианино, старого, почти антикварного инструмента, на котором играл в прошлый раз молчаливый удивительный посетитель. Да и посетителя самого тоже не было. Зато бесчинствовала здесь целая ватага юнцов, что-то отмечавшая и уже опьяневшая к большому неудовольствию спокойного и уравновешенного бармена, знакомого с прошлого раза. Молодежь кричала, что-то требовала, чего, видимо, не было в маленьком этом баре, размахивала руками, топала ногами, старалась что-то запеть, старалась что-то сказать, мучила кошку, принесенную сюда с улицы, заставляя её пить шампанское, одним словом, юноши гуляли. Они недоброжелательно покосились в сторону Мурада и Наргиз, видимо, считая бар своим жизненным пространством, но пока были вполне лояльны к вновь прибывшим. Их было человек шесть... Нет, вернулся еще один с улицы и принес что-то, чего не было в баре, Мурад пригляделся и не мог разобрать, что парень прячет за спиной. Он подумал, что если наступит критический момент, он мог бы вмиг расшвырять этих сопляков, пусть только сунутся: многолетняя практика уличных драк кое-чему его научила... Но тут один из этих сопляков, тот, что пришел с улицы, красный от мороза, таинственно оглядываясь на своих товарищей, подошел к их столику и протянул Наргиз то, что прятал от всех взглядов – букет роз! Это было так неожиданно, что Мурад не нашелся, что сказать. Зато Наргиз повела себя как настоящая дама – приняла букет, тихо произнесла слово благодарности и слегка кивнула пареньку. Он, улыбнувшись, отошел к своим товарищам и ни разу больше не посмотрел в сторону Наргиз. Через несколько минут ребята вдруг собрались, расплатились и, к заметной радости бармена, покинули бар.

– В общем-то, неплохие ребята, – сказал бармен, подойдя к их столику, чтобы принять заказ. – Только пошуметь любят. Сдали экзамены, отмечают. Что вам принести?

В эту ночь они долго гуляли, так она захотела. Гуляли, пока не замерзли, пока у него не онемели от холода ноги, и он не стал шмыгать носом. Она попросила проводить её до дома и возле дома сказала ему:

– Теперь я тебя отпускаю, – она потянулась и поцеловала его в щеку.

– Надеюсь, это шутка, – сказал он. – Когда мы увидимся? Говори, дэвушка, не то зарэжу!

– Смешно, – сказала она и улыбнулась, хотя получилось у него не очень смешно, а натянуто, слишком наигранно, оттого, что её тон немного обеспокоил его. – Но ты уже знаешь мой дом и всегда можешь найти меня. Пока, – и она исчезла в подъезде своего старинного дома.

Он пошел искать такси, удивляясь в душе несколько странному её поведению именно в эту, последнюю ночь, после которой он уже не сможет навещать её у неё в доме с такой уютной печью с пляшущими языками огня, и досадуя, что они конкретно не договорились о дальнейших встречах у него. Но вскоре эта маленькая мимолетная странность её улетучилась, и он, сев в такси, полностью переключился на свою очередную незавершенную работу.

...Он работал, почти не выходя из дома и не отвечая на звонки Сары; время от времени, оторвавшись от работы, он внезапно вспоминал, что Наргиз не звонила уже давно, а он в перерывах между работой каждый раз звонил на отключенный её телефон и не мог понять, что происходит, почему у неё всегда телефон отключен среди дня, и вечером, и утром, когда она должна идти в институт и вполне могла бы ответить.

Время словно растянулось совершенно непонятным образом, расслоилось, будто закрытый веер, таящий в себе большие возможности, вдруг раскрывается, показывая, сколько – подумать только! – в нем содержалось скрытых тайн: заманчивые картины, невиданные звери и драконы, что прятались в узеньком пространстве закрытого веера; и теперь один день, а вернее, одна ночь вмещала в себя не одну, а много-много ночей, поглощала это большое количество ночей, в то же время реально оставаясь одной-единственной ночью, но проживать заставляла его много ночей, а не одну – многослойное время; и Мурад закончил работу, благополучно сдал новый сценарий, учтя все пожелания режиссера, ненадолго вздохнул свободно, но тут с новой силой вернулась тревожная мысль о Наргиз. Он стал названивать ей, но телефон её неизменно был отключен. Тогда он позвонил на их домашний телефон, номер которого она ему дала как-то, хотя предупредила, что в этом не будет необходимости, она всегда для него на связи на мобильном. Трубку взял её отец – тяжелый, хриплый голос. Мурад не отозвался и отключился. И когда он закончил свою работу, Мурад вдруг почувствовал такую ужасающую пустоту, что с недавних пор заполняла Наргиз, а теперь пустота эта, похожая на бездонную пропасть, в которую можно было падать всю жизнь, разверзлась перед ним, поглощала его, терзала его душу, и он не находил себе места и порой был похож на сумасшедшего, и окружающие, знавшие его долгие годы, так и думали, что Мурад тяжело заболел душевной болезнью. Пустота эта, заполнив массу ночей, на которые распалась одна-единственная ночь, давила и угнетала его. Он разругался с Сарой из-за какого-то пустяка, который забыл через не-

сколько минут после скандала с любовницей, он запретил ей приходить без предварительного звонка и запретил звонить; с режиссером, с которым работал уже далеко не над первым фильмом и все считали, что они двое создали очень крепкий и завидный творческий тандем, он тоже разругался и тоже по пустячному поводу, разорался, раскричался, не обращая внимания на его удивленные, жалостливые взгляды, какими здоровый человек обычно смотрит на неизлечимо больного; даже в магазине, куда он часто заходил за продуктами, он ухитрился поскандалить из-за того, что парень из обслуживающего персонала замешкался открыть ему дверь, когда он выходил с покупками; поскандалил с соседями с верхнего этажа за то, что в одиннадцать вечера они передвинули стул, и стук стула об пол заставил его вздрогнуть; он был весь на нервах, будто ему содрали кожу, и любое прикосновение доставляло нестерпимую боль; и когда он так подумал, он вдруг вспомнил слова Наргиз, какие однажды она ему сказала о любви – что настоящая любовь так чувствительна для сердца и всего твоего тела, будто с тебя содрали кожу, и любое грубое, не любовное прикосновение отзывается жуткой болью, а прикосновение любовное приносит исцеление и заживление. Теперь каждое воспоминание о ней было болезненно, каждый её жест, улыбку, слова он вспоминал так, будто может утратить её навеки, если сейчас же, сию минуту не предпримет что-то, а что делать, и сам не знал; и в тот день, когда должны были приехать её родители, и распадающееся на глазах время, расшлюившееся, умножающее многократно самое себя (так что казалось – он не видит Наргиз уже очень давно, тридцать, сорок дней, а не один-единственный), сводило с ума, он, не усидев дома, направился к ней узнать, если удастся, в чем дело, почему она не отвечает на его звонки, почему у неё постоянно отключен телефон, почему, в конце концов, она не может прийти, как приходила однажды в тот памятный, незабываемый вечер.

Он ходил возле её дома в те часы, когда студенты заканчивают занятия и возвращаются, надеясь, что она придет и увидит его на улице и им удастся поговорить, но её все не было. Походив так несколько часов и время от времени набирая её номер, он, валясь с ног от усталости, зашел в бар, который они посещали. Он хотел узнать у бармена, не заходила ли сюда Наргиз без него, но в последнюю минуту раздумал, выпил свой виски и вышел на улицу. Проходив до позднего вечера, когда зажегся свет в её окнах, зайдя в переулок, откуда он впервые увидел её в темном окне, он решил подняться к ней – будь что будет – еще не зная, что скажет её родителям, не придумав ничего и не желая придумывать. Но что-то сказать надо было.

Дверь открыл её отец.

– Извините, что беспокою, – сказал Мурад. – Это... это квартира Наргиз?

Мужчина долго изучающе смотрел на него погасшим, тусклым взглядом, не отвечая, наконец, спросил:

– Кто вы такой?

Мураду очень не хотелось врать, но надо было как-то выходить из положения.

– Я... я её учи... преподаватель, – сказал он, чувствуя, что краснеет, как ребенок перед взрослым человеком, хотя мужчина, открывший ему дверь, был не старше, а, по всей видимости, младше него, хоть и выглядел старше своих лет из-за заметных мешков под глазами, резких поперечных морщин на лбу, глубоко утомленного вида, словно не спал несколько суток.

Ничего не говоря, мужчина по-прежнему рассматривал Мурада, стоявшего на пороге.

Тут за спиной мужчины появилась женщина, моложавая на вид, её Мурад сразу узнал по фотографиям, которые Наргиз показывала ему.

– Что вам надо? – спросила женщина более резко и сердито, чем её муж, она была крайне недовольна, что их побеспокоили.

– Мне надо видеть вашу дочь, Наргиз, – сказал он прямо, не имея сил и желания еще что-то придумывать.

– А кто вы такой? – спросила женщина.

За него ответил её муж.

– Он говорит, что он её институтский преподаватель, – сказал он жене.

И в этих словах «он говорит» сквозило недоверие и полное равнодушие к Мураду.

– Можно я войду? – спросил Мурад.

– Что ж, входите, – посторонился мужчина, пропуская Мурада. – Какая теперь разница... – тихо проговорил он, обращаясь к жене.

– Он пьян! – резко возразила жена. – От него пахнет. Зачем ты впустил его?!

– Дело в том, – начал Мурад, проигнорировав агрессивные нападки женщины и не проходя в знакомую комнату, потому что никто его и не думал приглашать войти. – В том... что я виделся с вашей дочерью неделю назад... И всю неделю тоже... Всю эту неделю, пока вас не было... пока вы были в отъезде... А теперь она не отвечает на мои звонки, и я... я должен с ней обязательно поговорить...

И только кончив говорить, он поднял на них глаза и увидел, что и муж, и жена смотрят на него одинаковыми взглядами вытаращенных глаз, в которых застыл ужас.

– Что вы... что вы такое говорите?! – не сводя с него крайне испуганного взгляда, сказала мать Наргиз.

– Наша дочь умерла, – с трудом проговорил отец Наргиз.

– Она умерла неделю назад, – продолжила мать, и было похоже, что оба они почему-то считают, что должны поделиться этим с незнакомцем, ищущим их дочь, что может быть, поделившись с ним, они найдут временное успокоение, как бывает, когда делишься своими бедами со случайным попутчиком в дороге.

– Наргиз умерла неделю назад!? – упавшим голосом, не веря в происходящее, спросил Мурад, словно желая уточнить, словно желая убедиться, что перед ним не двое сумасшедших, сговорившихся, чтобы и его свести с ума, зная, как он любил их дочь.

– Да, – подтвердила мать Наргиз, видимо, она была крепче духом, чем муж, в глазах которого уже блестели слезы. – Да, наша дочь умерла. Мы ездили в соседний город хоронить её, мы оттуда родом, там все наши похоронены...

– Мы похоронили её рядом с бабушкой, – сказал отец Наргиз, – с моей матерью... Семь дней назад...

Мураду вновь показалось, что он ослышался, и, уже не таясь, решив идти до конца, он горячо заспорил:

– Но этого не может быть! – почти прокричал Мурад в лицо женщине, она испуганно отшатнулась. – Семь дней назад мы с ней встречались... Вот здесь встречались... И все семь дней тоже... Вот в этой квартире... Все семь дней, все семь!.. – он в изнеможение опустился на корточки, оперся об стену в прихожей, закрыл лицо руками, стараясь овладеть собой после услышанного кошмарного известия.

Муж и жена с тревогой во взглядах переглянулись.

– Я принесу вам воды, – сказала женщина, прошла в кухню и вернулась со ста-

каном воды, протянула ему стакан.

Мурад отстранил её руку, поднялся, тяжело дыша, чувствуя, что может сейчас потерять сознание, и попросил, еле ворочая языком, все еще надеясь на ошибку, которая могла бы стать чудом:

– Покажите мне... её фото...

Женщина пошла в комнату и вернулась со знакомой ему большой фотографией дочери – «Наргиз. Париж»... И теперь он отчетливо увидел дату: годом раньше. На фото, на которое он бросил торопливый, мимолетный взгляд в прошлый раз, Наргиз улыбалась и словно глубоко в душу заглядывала смотрящему на лицо её.

– Но ведь я всю неделю был с ней, – проговорил в крайнем изнеможении Мурад. – Как же это случилось? Зачем, зачем вы её отпускали в Париж?! – вдруг непонятно к чему истерично закричал Мурад, сам не понимая, что он говорит, что спрашивает, не соображая, не желая принимать эту реальность, которую эти ненастоящие фальшивые люди хотят подсунуть ему, чтобы он тоже стал ненастоящим и фальшивым.

– Успокойтесь и немедленно отвечайте: что вы делали здесь, в нашей квартире? – строго спросила мать Наргиз, но муж остановил её.

– Какая теперь разница?.. – устало произнес он. – И потом, что он мог делать, если мы как раз неделю назад её хоронили?

– Но ведь этого не может быть, – вновь жалко, умоляющим тоном повторил Мурад, чувствуя какую-то тяжкую душевную усталость, будто он пребывал во сне, и все ему снилось, все мерещилось, назойливо вливалось ему в глаза, делая его слабым и безвольным. И он не мог поверить, что это сон, и не мог поверить, что все происходящее – наяву.

– Но как... как?! – вновь со слезами в голосе вскричал Мурад, захлебываясь и утопая в водовороте невысказанных вопросов. – Как она умерла? Вы все врете!.. Вы ведь врете? Признайтесь! Как она умерла?.. – уже тихо, еле слышно произнес он последнюю фразу.

– Она... она утопилась в море... Ночью... Когда... когда мы... спали... – сказал отец Наргиз и на этот раз откровенно, не таясь, заплакал.

Жена его, все еще державшая в руке стакан, дала ему попить. Он кусал край стакана и не мог сдержать рыданий.

Мурад, как оглушенный, почти в бессознательном состоянии вышел на улицу, и тут он вспомнил бармена и пианиста в жокейской шапочке, и компанию подвыпивших студентов, и букет роз; это на миг показалось ему спасением, островком трезвости и благоразумия среди абсурдности ситуации, в которую он попал.

Он, как сумасшедший, ринулся в бар, ворвался, споткнувшись и чуть не упав со ступенек, подбежал к бару так, будто собирался наброситься на бармена за стойкой. Тот, увидев перед собой Мурада с вытаращенными глазами, отпрянул, вопросительно и испуганно глядя на странного посетителя. Мурад огляделся, мало что замечая перед собой. За двумя сдвинутыми столами сидела шумная компания иностранцев – то ли англичан, то ли американцев – мужчины средних лет, они громко разговаривали, смеялись и старались перекричать друг друга.

– Я, извиняюсь, впервые вас вижу, – удивленно ответил бармен на сбивчивые, невразумительные вопросы Мурада, которые ему приходилось повторять, чтобы его правильно поняли. – Нет, нет, вы ошибаетесь... Я впервые вижу вас... Никакого пианино здесь никогда и не было, и камина, кстати, тоже... Какой может быть камин в

таком баре, извините?.. У нас кондиционеры. Компания студентов? Пианист и две дамы? Что-то я не помню такого... К нам обычно заходят иностранцы, вполне приличные люди, извините... Может, вам что-нибудь налить? Хотите выпить? В таком состоянии не помешает, извините... Девушка с вами? Нет, нет, я бы запомнил, у меня хорошая память на лица, я бы запомнил, но я вас совсем не помню, извините... Заходили сюда час назад?! – тут бармен настороженно и внимательно, задержав взгляд, посмотрел в глаза Мураду, словно ища в них сумасшедшие искорки. – Не помню, извините... Может, куда-нибудь в другой бар заходили? Мне надо работать, извините... – и, поставив на поднос стаканы с приготовленными коктейлями, бармен вышел из-за стойки и направился к веселой компании иностранцев.

Вдруг Мурад почувствовал, что что-то трется об его ногу, он посмотрел вниз и увидел кошку, ту самую, с улицы, которую мучили студенты... Он подхватил кошку с полу и так прижал к себе, что та издала душераздирающий визг. Он подбежал с кошкой в руках к бармену, расставлявшему напитки на столе иностранцев.

– Вот эта кошка! – вскричал Мурад так, будто нашел нечто ценное. – Они её поили шампанским! Эти студенты... Вы что, может, это тоже не помните?!

Иностранцы удивленно уставились на Мурада, а один из них что-то тихо говорил им, похоже – переводил.

– Я прошу вас выйти и не беспокоить посетителей! – на этот раз жестко и без всяких лишних извинений произнес бармен. – Или я вызову полицию. Тут рядом дежурное отделение.

– А-а! Вот как! Вы все сговорились! Сговорились, чтобы свести меня с ума! – воскликнул Мурад, отбросил кошку и, тяжело дыша, уставился на бармена и на притихшую компанию за столом.

Он не помнил, как вышел из бара, как и по каким улицам шел, каким образом в эту холодную ночь – а была уже поздняя ночь – оказался на приморском бульваре, где не было ни души.

И тут он до боли явственно вспомнил, как они ходили здесь с Наргиз, и он держал её теплую руку в своей ладони; и сердце подступало к горлу и билось и трепетало там, как маленький зверек, попавший в беду.